

РУСЛАН ГУЛЕВИЧ

**ЧЕМПИОН
СКАЗАЛ**

Руслан Гулевич
Чемпион сказал

«Тип-Топ»

2020

УДК 796.83
ББК 75.713

Гулевич Р. В.

Чемпион сказал / Р. В. Гулевич — «Тип-Топ», 2020

ISBN 978-5-906097-78-1

Книга написана на основе серии интервью с легендарным советским боксёром 80-х годов прошлого столетия, Виктором Григорьевичем Рыбаковым, призёром двух Олимпиад, многократным победителем чемпионатов Европы и СССР. Построенная не как мемуары, а скорее как сборник историй, случаев, забавных происшествий и ярких мгновений детства, юности, спортивного и профессионального пути Рыбакова, книга читается легко и непринуждённо. Здесь нет нравоучений и посланий к читателю, зато очень много юмора и самоиронии, теплоты и житейской мудрости чемпиона. Книга написана живым языком, в формате прямой речи героя, почти без купюр и предназначена для тех, кто причастен к истории СССР и России, истории мирового спорта, прежде всего любительского бокса, конца прошлого — начала этого века. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 796.83

ББК 75.713

ISBN 978-5-906097-78-1

© Гулевич Р. В., 2020

© Тип-Топ, 2020

Содержание

Предисловие	6
Между жизнью и смертью	8
Вещие сны	11
Детдом и интернат	12
Магадан	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Руслан Гулевич

Чемпион сказал

© Руслан Гулевич, текст, 2020
© Издательство Кетлеров, 2020

Предисловие

Есть такие люди, сквозь которых проходят все водовороты истории. Наш герой стоит всегда в центре событий и, не прилагая, казалось бы, никаких особенных усилий, всегда оказывается на передовой происходящего.

Виктор Григорьевич Рыбаков – наш русский Форрест Гамп¹. С непростым детством. Отца не знал. Мать, лишённая родительских прав. Детдом. Интернат в Магаданской области. Постоянный голод. Каждый день – урок выживания. Старт жизни не самый обнадеживающий.

Если послушать Виктора Григорьевича, который относится к себе с большой иронией, то вся история его жизни достаточно спонтанна, она проходит как бы без его воли и участия. То ли Господь ведёт, то ли случай такой. «Случайный» приход в спорт. «Случайный» выигрыш регистонального соревнования. «Случайное» попадание в сборную. «Случайные» выигрыши чемпионатов Европы. «Случайное» назначение капитаном. «Случайный» промах между двух золотых медалей двух подряд Олимпиад. «Случайное» завершение карьеры боксёра. Возврат на ринг. Реванш. «Случайная» экономическая статья. Зона. «Случайное» начало жизни по возвращении, когда почти все предали. «Случайное» выживание в лихие девяностые – но тут уже и «Господь помог». «Случайное» продолжение карьеры боксёра в США. «Случайное» развитие карьеры корпоративного тренера. «Случайное» выживание и восстановление после обширного инфаркта. По ощущениям нашего героя, здесь тоже без Всевышнего не обошлось. «Случайные» любовь и уважение коллег, сотен учеников и последователей. Видимо, пришла пора «случайно» написать книгу про все эти спонтанности Рыбакова. А заодно понять, что вело рукой судьбы, когда вокруг одного человека «случайности», как жемчуг на нитке, следовали плотно одна за другой. Может быть, мне, расшифровывая записи наших интервью, сделанных после тренировок, удастся случайно узнать, что прячется за улыбкой в платиновых усах человека-легенды, озорные пронзительно-голубые глаза которого удивительно молоды и скорее бы подошли 35-летнему спортсмену, чем 64-летнему тренеру.

Мы с Рыбаковым решили не писать скучные мемуары с подробным перечислением всех ежедневных судьбоносных свершений. Нет, мы задумали эту книгу как коллекцию баек и историй из жизни Форреста Григорьевича. Вы можете верить в них или нет. Допускаю, за давностью лет что-то сегодня смотрится нелепо или невероятно, но слов из песни не выкинешь. Особенно когда песня настолько биографична.

Эта книга появилась благодаря помощи и поддержке Виталия Витальевича Баранова, Кирилла Альбертовича Кравченко и Александра Владимировича Крылова. Спасибо им за их вклад в издание, за надёжное спортивное плечо настоящих хоккеистов и... чуточку боксёров.

И если мама кричала юному Гаппу: «Беги, Форрест, беги!», то нашему герою некому было крикнуть самую главную фразу в жизни. Поэтому он никогда не бежал. Но в отличие от своего американского двойника Виктор умел уклоняться от ударов и бить сам. Если нужно – первым. И он победил, ещё раз доказав: чтобы устоять в этой жизни, нельзя оставаться на месте. Нужно идти своим путём. Даже если порой это больно и неприятно.

Руслан Гулевич

¹ «Форрест Гамп» (англ. Forrest Gump) – драма, девятый полнометражный фильм режиссёра Роберта Земекиса. Поставлен по одноимённому роману Уинстона Грума (1986), вышел на экраны в 1994 году. Главный герой фильма – Форрест Гамп (созвучно с англ. forest gump, то есть «лесной болван») из вымышленного города Гринбуо, штат Алабама. По сюжету, жизнь пронесит Форреста, как птичье пёрышко, через важнейшие события американской истории второй половины XX века. Благодаря своим спортивным способностям, хорошему характеру и привитой матерью необыкновенной жизнестойкости, он совершает военный подвиг, добивается «американской мечты» и невольно, походя оказывает влияние на политику и популярную культуру США.

Я посвящаю эту книгу всем, кто помогал мне: моим учителям, тренерам, товарищам по боксёрскому цеху, нынешним коллегам, моим приятелям и семье – дочери и внукам.

Отдельно хочу поблагодарить Виталия Витальевича Баранова, моего хорошего приятеля, без которого моя жизнь в последние годы была бы гораздо более пресной и скучной. Эта книга увидела свет в том числе благодаря его участию и поддержке.

Виктор Рыбаков

Между жизнью и смертью

ИНФАРКТ

Ситуация была – жизнь и смерть. Меня, человека, который раньше никогда не лежал в больнице, не болел ничем и никогда, вдруг так шарахнуло. Я тогда вернулся из Киргизии, отыграл в хоккей, зашёл в магазин рядом с домом. И вдруг в груди – горячо-горячо, и чувствую – останавливается сердце. Ну вот так просто: тук-тук-тук, потом тук- тук...тук... Паники не было, но я почувствовал полное бессилие. Увидел плитку на полу, и первая мысль – сейчас упаду и разобью лицо. Это заставило меня взять себя в руки. Хватило сил медленно выйти из магазина, прислониться к стене. И снова в груди горячо, чувствую – падаю. И ярко помню, о чём подумал тогда: неужели тёща всё-таки меня пережила?! Эта мысль моментально вдохнула в меня силы. Нет, думаю, не бывать такому – и сразу на удивление полегчало.

Дошёл до дома. Сам, полегоньку. Жены нет. Взял телефон, кое-как набрал номер скорой помощи. Привезли в больницу МЧС, она рядом. Сразу укол сделали. Какую-то проверку сердца провели. Это потом я понял, когда Гордеев² рассказал, наш самый главный доктор по сердечным заболеваниям. Он из клиники МЧС меня забрал и в свою клинику перевёз. Почему? Ему хоккеисты мои высокопоставленные³ позвонили сразу, как узнали, что я в беде. Дочь приехала из Москвы, как только поняла, что я концы могу отдать.

Доктор, когда ему принесли данные моих анализов, сказал, что немедленно нужна операция. Её боялись делать, потому что у меня был обширный инфаркт – мог остаться на столе. Но не делать тоже было нельзя: всё равно с такими поражениями сердца не выжил бы. Я помню, завезли меня в операционную. Гордеев подошёл ко мне и прямо объяснил ситуацию: «Положение хреновое. Ну, держись. Нужно делать операцию, потому что иначе тебе не много осталось».

А я думаю: «А что от меня зависит? Что я скажу? Да, нет?» Конечно, да. Гордеев мне потом, через пару месяцев после выписки, звонил несколько раз со словами «Как ты выжил?» Видно, действительно совсем аховая ситуация была.

ПРО ОПЕРАЦИЮ

Я на операционном столе прекрасно понимал, что мне может быть конец. Но было ещё такое предчувствие, не знаю откуда, просто пришло в голову – что, если я проснусь во время операции, выживу. Вот не знаю почему. И, не поверишь, во время операции вдруг просыпаюсь. Не то чтобы вскочил и побежал, лежу трупом, но слышу: «Переворачивай!» Открываю глаза – передо мной два Дракулы, в смысле ребята в белых халатах, залитых кровью. И снова вырубаясь. И потом, помню, когда очнулся – приступ и ощущение безбрежного счастья. Жив. Значит, всё ещё будет! И после этого, пока мой организм боролся за жизнь, увозили из палаты в последний путь одного, второго. А я просто очень хотел жить – и боролся.

² Главный кардиохирург Центра, заведующий научно-исследовательским отделом кардиоторакальной хирургии, заведующий кафедрой хирургических болезней, главный внештатный сердечно-сосудистый хирург Минздрава России по Северо-Западному федеральному округу, заслуженный врач РФ, д. м. н., отличник здравоохранения, профессор М. Л. Гордеев имеет высшую квалификационную категорию врача – сердечно-сосудистого хирурга.

³ Виктор Григорьевич подразумевает своих коллег по нынешнему месту работы, из Газпром нефти.

ДЕШЁВЫЙ!

Пара интересных моментов была перед операцией и после, хочу рассказать про них.

Реанимация. Лежу. Холодно. Очень холодно. Я понимаю, что сейчас усну и могу не проснуться. Подошла женщина, наверное, анестезиолог, склонилась надо мной. Я на неё смотрю и понимаю, что хочу продлить своё пребывание на земле, пусть на минуту, пусть хотя бы на тридцать секунд. И я ей говорю: «Какой парфюм у вас дорогой!» А она мне: «Дешёвый!» Без раздражения, но так как-то равнодушно. Это последние слова, которые я запомнил перед погружением в сон. Потом уже, когда выздоровел, принёс ей хороший парфюм в подарок. Она так обрадовалась! Не подарку, конечно же, а тому, что я пришёл, здоровый. «Рыбаков!» – говорит и улыбается. Операций было много, но она меня запомнила.

БАРБАРИСКИ

В реанимации, когда я проснулся после операции, первая мысль – хочу барбариску. Странно! Я ведь этих конфет и не ел никогда. Но вот сейчас хочу. Я не знаю почему. Открываю глаза – смотрю, на тумбочке возле меня две эти карамельки. Вот хочешь – верь, хочешь – нет. Спрашиваю санитарку: «Кто принёс?» А она мне: «Не знаю! Нам даже воду запрещено приносить».

КАЧЕЛИ

Всё прошло хорошо. Всё получилось – я живой! Море, солнце, пляж! Но это был не конец моих мучений. Дальше началась борьба: умру – не умру, десять суток – сплошные качели. Сердце то останавливалось, то запускалось. Намучился я – то отлетает душа, то прилетает. Какие-то кошмары снились. Один сплошной жуткий сон: я бегу, меня преследуют. Лечу, падаю, снова бегу. Но когда сердце стало вести себя получше, меня из реанимации перевели в палату, эти сны-кошмары ушли. Только тогда я почувствовал, что стал приходить в себя настоящему. Когда встал в палате на ноги, понял – вот сейчас действительно выжил. Конечно, пожизненно прописали таблетки – я их пью теперь.

КАТЕТЕР

Ещё одна микроистория. Пусть она покажется излишне натуралистичной и интимной. Но слов из песни не выкинешь. Для меня она важна. В итоге всё закончилось хорошо и даже смешно. Мне во время операции катетер поставили. И, когда меня на коляске уже привезли в палату, его сняли. И я думал: вот оно, счастье! А на второй или третий день ночью просыпаюсь – вокруг мокро. Я думал: что это такое, это я ночью не проконтролировал себя, что ли?! Включаю свет – хорошо он удобно расположен, рядом с кроватью, – вижу, кровь. В крови лежу. Думаю: откуда? Швы разошлись, или что? Потом себя ощупал – вижу, оттуда, откуда совсем не хотелось бы, капает! У меня паника! Как же так, откуда кровь там? Мысли панические: проткнули мочевого, что ли, на операционном? Вызываю сестру. Утром меня опять отвезли в реанимацию. Доктор посмотрел, говорит: «Тебе просто неправильно катетер поставили, ничего серьёзного. Пройдёт. – И добавляет: – У тебя гастрит». Какой гастрит?! При чём тут гастрит, когда у меня там капает? Изумил меня. Наверное, вспомнил, что во время операции обнаружили. Не знаю.

СПАСИБО, ДОКТОР!

Теперь я раз в полгода хожу к доктору, проверяюсь. Смотрит обычно один и тот же. Но в последний раз его не было, меня другой врач смотрел. «Сердце у вас как у бывшего спортсмена, – говорит. – Вы спортом раньше не занимались?» – «Занимался немного», – отвечаю. Ну правда же. Занимался немного.

Мне Гордеев очень хорошо операцию сделал. Я прихожу иногда к нему, стараюсь посылочку какую-то принести. Взял у «Зенита» футбольный мяч с автографами зенитовцев, футболку. Подарил ему. И принёс перчатки с автографом Поветкина. Настоящие. В которых он тренировался. Они потом слегка воняют, его потом. В этом их ценность, пусть это звучит для некоторых не очень гламурно. Ребята из Москвы для меня привезли.

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

После инфаркта моё отношение к жизни в корне изменилось. Произошла переоценка ценностей. Я на многие вещи стал смотреть иначе.

Я подумал: да какого хрена я парюсь? Махнул рукой на все проблемы. Что мне думать о завтрашнем дне? О послезавтрашнем. Сегодня будет сегодня. Сейчас – сейчас. Это привело к большим изменениям в моей жизни. Я разошёлся с женой. Почти сразу. В мою жизнь вошла другая женщина, которая помогла мне реабилитироваться после больницы.

Ольга. Она мне очень сильно помогла тогда, окутала теплотой и каким-то уютом. Я чувствовал её заботу, чувствовал, что был не один. Без неё я бы, наверное, не справился. А так я живу. Радуюсь жизни. И очень благодарен ей. Мне с ней живётся очень хорошо. Каждый день как праздник. Спокойно, тихо и интересно.

А ещё я кардинально поменял образ жизни. Стал ко всему относиться иначе и думать даже стал по-другому. Начал ощущать жизнь так: каждый день прожитый – это мой день, он мне кажется радостью. Вот как сегодня: поработал с учеником – получил огромное удовольствие. Я, к счастью, сам выбираю, с кем работать. Это очень важно для меня. Мы с моими подопечными делимся друг с другом во время тренировки позитивными эмоциями, энергией. Я заряжаюсь. Мне интересно.

Вещие сны

Мне обычно не снятся сны. Может, и снятся, но я их забываю. Было всего два случая, когда я запомнил сны. И вот один из них. Я был с женой на теплоходе. Круиз Турция – Кипр – Греция. Давно это было. Наверное, девяностый год. А ко мне как раз незадолго до этого приехал в Москву товарищ из Владивостока. Блатной парень, при деньгах, чем только там не занимался. Казино во Владивостоке открывал первые. Активный был человек. А у меня в Москве было всё в порядке, я пользовался уважением и авторитетом. Приятель приносит мне деньги и говорит: «Не хочу в банк их отдавать, пусть пока у тебя полежат». Я ему, мол, я в круиз собрался – уеду в Турцию. А он мне говорит, что деньги ему не к спеху, время терпит, наличка, мол, есть ещё. И сумку денег отдал. И уехал. Юра его звали. Я деньги оставил в квартире и сам – отдыхать. И там, на корабле, мне снится сон: Юра стоит и моет трупы. Трупы лежат рядом с ним. Много трупов. Я ему: «Юра, что ты делаешь?» А он: «О! Хорошо. Вспомнил меня. А ведь так приятно было с тобой общаться!» Хорошие слова сказал, обнял меня – я почувствовал его пальцы у себя на спине – и пошёл. Напоследок обернулся и говорит: «Мои деньги отдай...» Имя назвал и телефон продиктовал. Я проснулся. Хорошо, что записал – номер приснился абсолютно отчётливо. Думаю: что за бред такой?! Мне же сны вообще не снятся! Но записку сохранил. Хотел потом Юре показать и спросить, что это за номер такой.

Как приехали в Москву, выяснилось, что нету Юры – убили его. Блатные какие-то закопали в парке. Потом его нашли. Тогда я его и не увидел. Позвонил по записанному телефону. Попал с первого раза на нужного человека. Говорю, так, мол, и так. Приезжай за сумкой Юры, он деньги велел тебе передать. А этот приклатнённый, я даже не знаю, кто он и как его зовут, приезжает и спрашивает: «Откуда ты мой телефон знаешь?» А что мне ему сказать? Знаю, и всё. Юра сказал.

И второй сон, который я запомнил в своей жизни, других не было – про то, как внук стал чемпионом мира по хоккею. Но это отдельная история. Не для этой книги.

Детдом и интернат

ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

С какого возраста я себя помню? Наверное, лет с семи. Помню, зашёл в класс в школе. У меня сапоги были и полбуханки хлеба в голенище. Я жрать хотел, кто-то купил мне хлеба, я спрятал его. Детдом я как-то особенно не помню. Меня маленького забрали туда, мне было два или три годика – точно не знаю. Мне не с чем было сравнивать, я даже считал, что я счастливый человек. Ну нет матери, и нет – почти у всех вокруг так было.

ВЕЧНЫЙ ГОЛОД

Жрать хотелось всегда. У нас там, помню, игра была. Мы же в столовую не строем шли, а по звонку бежали. И всё решали скорость и выносливость. Я, помню, бегу к своему столу и по пути хватаю с тех, что рядом, всё, что попадается. И уже там, у себя, ем.

Нас спасало лето. Летом нас отвозили в лагерь. На природу. Мы там ели ягоды, грибы. Рыбу ловили. Мы, пацаны, уже тогда подсекали кету – она нерестилась в мелких речках – брали икру. Рыбу выбрасывали. Двенадцатилитровое ведро икры набирали за несколько часов. На вино меняли. Отъедались там за лето.

С голоду никто не умирал, конечно. Но чувство недоедания преследовало нас почти постоянно.

ТОРТ

Мы с двумя приятелями, Банкой⁴ и Помидором,⁵ насшибали где-то денег, рубля два. То ли выпросили, то ли что-то продали, подворовывали. Ровно копейка в копейку хватало на торт, самый дешёвый, конечно же. А для нас торт – нечто невозможное, мы его ни разу не пробовали. Это как... как сейчас BMW, наверное. Пошли и купили втихаря от остальных. Но его ещё надо принести и незаметно затащить в интернат. Увидят – налетят и вмиг сожрут, мы даже не попробуем. Так мы коробку завернули в газетку. Как будто сверточёк какой-то неприметный, ничего особенного. Оставили Помидора внизу охранять наше счастье, а сами с Банкой пошли наверх на разведку. Дошли до комнаты, убедились, что там никого, и бегом вниз, к добыче. Прилетаем, видим – Помидор ревёт, весь в слезах. Валяется отдельно коробка с потёками крема, газетка эта растерзанная. Что случилось? Помидор сквозь рыдания: «Я на секунду отвернулся, а собака... – и показывает на пса бездомного, Верный его звали, который стоит рядом и хвостом виляет, лыбится по-собачьи, – съела торт». И плачет. Ну что поделать – не повезло. Мы наш гнев пытались на Верном выместить, гоняли его по посёлку, пока силы были, но что с него возьмёшь – собака!

Мы потом через много лет встречались с друзьями в Магадане, с Каримом и Сашей. Вспомнил я этот случай, а Сашка говорит: «Не помню такого, чтоб собака торт съела». Я ему всю историю рассказал, а он упал под стол – смеётся! Да бросьте вы, не было никакой собаки,

⁴ Сулейман Каримов. Почему Банка, мы уже не помним. Скорее всего, Сулейман, Сулейманка, Манка, Банка.

⁵ Саша Егоров. Почему Помидор (он же Арбуз или Дыня)? Потому что один из родителей у него был из якутов и лицо у Саши было круглое.

говорит, это я сожрал этот торт, не утерпел. Повисла на мгновение пауза – и потом хохот. Мы просто зашлись. Чисто детдомовская история, на уровне республики ШКИД⁶.

НАШИ ВОСПИТАТЕЛИ

Кого я первую помню в интернате, так это Галину Васильевну Старчак. Она была воспитательницей и вела наш класс с первого по десятый. В десятом я как раз и уехал в Магадан. Она жила на Олё, потом в Магадане, Хабаровске, сейчас переехала в Калининград. Я приезжал к ней по возможности, помогал чем мог. У неё две дочери, внуки. Ей 86 лет. Галина Васильевна, несмотря на возраст, живая, энергичная. Я её приглашал на шестидесятилетие. Приезжала со своей дочерью. Она очень интересная женщина и многому нас учила. Сейчас она хвалит меня: лучший, мол. Но я хорошо помню, у нас в интернате хор был, и я в него попал, очень хотел петь. А думал тогда, что, чем сильнее орёшь, тем лучше. И с такой силой орал, так горланил на занятиях, что она выгнала меня из хора: «Иди отсюда!» Любопытный момент был ещё у нас. Дружно мы жили. У кого родителей не было, те оставались на лето в лагере, нас отвозили в брошенный посёлок Барабарка. Комарьё, свобода, рыба. И жили мы там. Были воспитательницы. Но мы в основном были предоставлены сами себе – грибы, ягоды. Однажды повадился медведь ходить к нам на помойку. Были мы тогда в седьмом классе. А был у нас учитель пения, Пётр Николаевич Мишаков – до сих пор помню, как его звали. Он уникальный человек. Сидел, остался в Магадане, как многие. Он почти всегда был пьяный, но его держали у нас: уважаемый человек был. Всю войну прошёл, и с немцами, и потом кампанию с японцами. А был он разведчиком, настоящим полевым разведчиком. Посадили его за то, что он ударил политрука.

И на майские праздники он пришёл – вся грудь в наградах: медали, ордена! За отвагу, за то, за сё. Я охренел, когда увидел! Я маленький был, не разбирался в этом. Подошёл и говорю: «Пётр Николаевич... – А сам медали трогаю – в душе всё перевернулось, я ведь его всегда видел пьяненького да с гармошкой. И какую-то ерунду несусь: – А как оно там, на войне? Бой, рукопашная – что самое страшное? С немцами подраться?» А он мне отвечает: «Самое страшное на войне для меня было, это когда танкисты просили чистить траки гусениц. А там были остатки человеческих тел – головы, руки». И вот это я запомнил на всю жизнь. Он про войну больше ничего никогда не рассказывал. Мне хватило и этого. Врезалось на всю жизнь.

Я после этого случая изменил своё мнение о нём. Стал защищать его, дрался за него, если кто-то из ребят обидно о нём отзывался.

КАК Я МЕДВЕДЯ «ЗАСТРЕЛИЛ»

Так вот, у Петра Николаевича было ружьё. А я к нему, к учителю-то, привязался с этим медведем. Он хотел его застрелить с чердака. А я: «Возьмите меня, возьмите меня! – Бойкий был. – Вместе давайте, вместе!» Упросил. Забрались мы на верхотуру. У него там бутылочка. Выпил. Покурил. А я возьми да засни и внезапно просыпаюсь от шума голосов. Я с чердака пока добежал, выскакиваю – на помойке лежит небольшой чёрный медведь, застреленный. И я: «Ну вы видели, как мы с Петром Николаевичем?!» Меня пацаны пытаются: «А кто стрелял?» А я им: «Пётр Николаевич стрелял – промазал, потом я стрельнул – свалил насмерть!»

В лесу, там, в Барабарке, было хорошо – морошка, жимолость, брусника, грибы. Мы варили и жарили маслята. Рыбалка там – речка Ланковая и её приток Нильберкан, довольно мелкий, в него заходили кета и горбуша нереститься. У нас кошки специальные были – мы

⁶ «Республика ШКИД» – приключенческая, отчасти автобиографическая детская повесть Григория Белых и Леонида Пантелеева о жизни беспризорных детей в Школе социально-трудового воспитания имени Достоевского (ШКИД), написанная в 1926-м и изданная в 1927 году.

подсекали эту рыбу. Не было тогда понятий рыбнадзора и браконьерства. Мы наедались икрой – молодой, тут же, чуть присолив.

ОБЕДАТЬ БУДЕШЬ В УЖИН

Директором интерната у нас был Григорий Абрамович Гольдинов. Я хорошо его запомнил – душа-человек. Мы когда толпой неслись в столовую на обед, по звонку, он стоял и ловил детишек: «Куда бежите?» Любил играть в шахматы. Мы с ним играли иногда, но он, если я выигрывал, меня на обед не пускал, расстраивался. «Обедать будешь в ужин», – говорил.

Помню, один раз стучал я на улице по стене мячом, а это была стена его кабинета. Видимо, эти удары его стали раздражать, он выбегает: «Эй, кто это?» Попытался меня схватить, но промахнулся, поскользнулся и упал. А он был тучным человеком. А встать ему тяжело. На улице зима, скользко. Он мне: «Подними меня, помоги – я тебя ударю!» Я, конечно же, сделал ноги.

ВЕЛОСИПЕД

Вообще, интернат заложил во мне многое. Терпение. Жрать всё время хотелось, а ты терпишь. Характер какой-то закладывался именно там. Вся еда обычно доставалась в борьбе, и я с кем-то постоянно боролся за свой кусок. За своё место.

Я хорошо запомнил: нам однажды купили два велосипеда. Человек на триста примерно. Ну как тут накатаешься?! По сто человек минимум на велосипед. Это ж столько ждать своей очереди надо! Даже если каждый по кругу проедет – ждёшь полтора-два часа. Ну я очередь занял, дождался своей, сел на велосипед и уехал. Еду себе, насвистываю. Оборачиваюсь – смотрю, за мной толпа с палками несётся. Чуть-чуть не догнали. Вечером приехал – забирайте ваш велосипед.

Дети наши после выпуска из интерната были абсолютно не приспособлены к жизни. Брошенные дети, очень многие погибли, спились, но кто-то прорвался, кто-то более устойчивым к жизни оказался. Но таких было мало.

Увлечений у нас было немного. Время было такое.

Магадан

МАГАДАН – ГОРОД ССЫЛЬНЫЙ

Благодаря боксу я переехал из Олы в Магадан. В Магадане было очень много интересных людей, много евреев было. Когда я начал боксировать, меня окружали Гитман⁷, Гринберг, Райский, Рубинчиков, Коган Володя, мой друг. Всю жизнь дружили, любил я его, он тянулся к боксу всегда. Всевышний данных не дал ему для бокса. Но я хотел его поддержать – всегда хвалил на магаданском телевидении: мол, напоминает по манере боя американских профессионалов. Все ржали, а он гордился.

В Магадан ссылали тысячами. Поэтому там такая интеллигентная публика в моё время была. От них я черпал опыт, навыки. Они все поносили между собой советскую власть. Талантливые – художник, писатель, музыкант. Мне с ними было очень интересно.

Я сдал экзамены за десятый класс экстерном, потому что у меня в это время были молодёжные игры. Я их выиграл. И был практически постоянно на сборах. Гитман решал в основном организационные вопросы. Я ему очень благодарен. Он вообще ко мне относился отечески и потом помог с Канадой. Когда у меня был юбилей, шестьдесят лет, он ко мне приезжал. А так мы с ним постоянно по скайпу разговариваем.

РЫБАКОВ – ПЕДАГОГ

Мне в Магадане предложили закончить институт. Я поступил в педагогический, на учителя начальных классов. У нас других филиалов институтов не было тогда, а меня, как спортсмена, в Москву не отпускали: всеми силами пытались удержать в городе. И партийные органы, и все остальные. В институте даже висел мой портрет – я там такой молодой и красивый. Я не был совсем бессовестным студентом-спортсменом. И как-то даже учился: читал, занимался по возможности. И, конечно же, когда приезжал с турниров, сувениры преподавателям привозил. Всегда. Отношения со всеми были хорошие. С ректором – идеальные. Ректором был Лев Александрович Лахин⁸

⁷ Борис Саулович Гитман (1934) – советский и канадский тренер по боксу. Мастер спорта СССР, заслуженный тренер РСФСР (1973). Тренировал Рыбакова в Магадане, куда перевёз Виктора из Олы.

⁸ Лев Александрович Лахин— кандидат философских наук, доцент. Ректор Магаданского педагогического института (1974–1982).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.